

Коллектив авторов

Далеко-далёко. Рассказы о детях

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=12316107

Далеко-далёко. Рассказы о детях. Коллективный сборник: Союз писателей; Новокузнецк; 2014

Аннотация

На страницах этого издания, выпущенного по результатам конкурса «Далеко-далёко», собраны рассказы многих авторов, вместе представляющие читателю развёрнутую, объёмную (как сейчас принято говорить, «3D») картину детства: родители пишут о детях, бабушки – о внуках, – ну и, конечно же, взрослые рассказывают о собственных «босоногих» годах, когда каждое событие было значительным, а каждый день, принося с собой происшествия и приключения, учил чему-то важному...

Содержание

Ирина Авакова	5
Семейные истории 1	5
Семейные истории 2	9
Семейные истории 3	11
Мария Аверина	13
Запрещённая колбаса	13
Непотопляемый «Титаник»	17
Ничейный мальчик	20
Мила Ба-Юда	22
Бабкины дети	22
Часть 1	22
Часть 2	23
Часть 3	25
Пальма с розами	29
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Далеко-далёко. Рассказы о детях

Коллективный сборник

© Коллектив авторов, 2014

© Издательство «Союз писателей», Новокузнецк, 2014

Ирина Авакова

Семейные истории 1

Семья Осиповых, как большинство обычных среднестатистических семей, состояла из четырёх человек: папы, мамы и двоих детей – сыновей четырёх и семи лет. Всё происходило в те времена, когда родители спокойно отпускали детей на улицу, а дети, сделав свои дела, целыми днями гоняли по двору. Невозможно было представить, что эта стабильная, размеренная и привычная жизнь может перемениться и что скоро наступит совсем другое время: время повального увлечения компьютерами, мобильными телефонами, время детей-домоседов.

Мама была большой выдумщицей и любила давать своим близким весёлые и ласковые прозвища. Когда старший сын Саша был совсем маленьким, на вопрос о том, как его зовут, отвечал: Саня-сын Сипа (Осипов) – и это стало его основным прозвищем. Впрочем, Саняша, Сашатка, Сипилкин и Шуня – тоже звучало неплохо!

Младшего – Мишу – называли Жуня, Шавейка, Шутушка, Миха – и другими словечками, но самым достойным, придуманным братом Сашей, было – Михалыч. Это прозвище как нельзя лучше подходило мальчику: он был рослый, степенный, рассудительный ребёнок, что, впрочем, не мешало ему постоянно попадать во всякие из ряда вон выходящие истории.

Родители всю неделю работали, ребята посещали детский сад – жизнь шла своим чередом.

В одну из пятниц мама Марина возвращалась домой. Купив по дороге четыре больших пачки пломбира разных видов, она спешила к своим любимым, представляя, как, разделив каждый из кусков мороженого на четыре равные части и положив их красивыми разноцветными шариками в десертные тарелки, устроит всем своим домочадцам сюрприз к традиционным вечерним посиделкам.

Недалеко от их пятиэтажки стоял огромный мусорный контейнер, доверху наполненный отходами (в то время не было специальных пакетов, и мусор высыпали в общую кучу), и уже издали мама заметила, что крышка его была откинута и в зиявшем проёме виднелось знакомое яркое пятно. По цвету оно удивительным образом напоминало шапку её младшего сына, которую она сама связала из красивой зелёной, салатной и белой пряжи. Нет, спутать было невозможно – это была именно та шапка с большим зелёным помпоном на макушке!

«Неужели мы её случайно выбросили?! – удивилась мама. – Когда успели?!»

Подойдя ближе, она увидела, что помпон наверху мусорной кучи вдруг зашевелился, а ниже явственно обозначились очертания серой куртки, в которой выходил гулять её младший сын Миша! Сомнения рассеялись: это точно был он! Рядом копошился ещё кто-то...

– Господи! Мишута, что ты там делаешь? – воскликнула мама, приблизившись к контейнеру и увидев в ящике среди «благоухающих» отходов любимого сына с закадычным другом Лёхой – мальчиком такого же возраста из соседнего подъезда.

– А ну-ка, вылезайте сейчас же! – строго сказала мама застигнутым врасплох ребятам. – И как вы туда забрались? – удивилась она, ведь прямоугольный проём был на уровне груди взрослого человека.

– А нам один дедушка помог... он что-то здесь искал и сказал, что тут есть много нужного! – нисколько не смущаясь, ответил сынок.

– ...И полезного! – быстро добавил друг.

– Ну, и как успехи? Что-нибудь нашли? – поинтересовалась мама.

– Не успели! – с досадой ответил Лёшка.

– Так! Быстро по домам – мыться и менять одежду, – сказала мама Марина, помогая ребятам выбраться из контейнера, – и больше никогда туда не залезайте! Вам не противно? Вы что, не чувствуете, какой здесь ужасный запах?!

Мальчишки неохотно подчинились... Друг решил спешно улизнуть и, «вытерев» грязную пятерню об испачканную куртку, стремглав помчался к своему подъезду, крикнув на ходу:

– Ну ланн... покедова!

О том, чтобы взять сына за руку, речи быть не могло! Его ладошки, куртка и штанишки были измазаны жуткими пятнами. Мама взяла своё чадо сзади за шарф и повела его, как пёсика на поводке, к подъезду. Ребёнок послушно шёл впереди, растопырив перед собой чумазные пальчики, а запах кислятины и тухлой селёдки сопровождал их до самой квартиры.

Дома все дружно посмеялись над этим приключением, сын был отмыт, а после ужина мама раздала всем вкусное мороженое, и вечер прошёл – лучше не бывает!

На следующий день, в субботу, выяснилось, что в доме закончились хлеб и батоны, поэтому было решено отправить в ближайший магазин старшего сына. Но Саняша вдруг заупрямился.

– А почему всегда я? – разворчался он. – Пусть Михалыч сходит. Вместо того чтобы со своими друзьями лазить по мусоркам, лучше бы делом занялся! Я в его годы уже ходил и за хлебом, и за молоком! Он уже взрослый, пусть тоже учится покупать продукты, я скоро пойду в школу, и мне будет некогда!

Родители переглянулись... Действительно, Саня был прав, пора было приучать младшего сына к самостоятельности. К тому же магазин находился совсем рядом, через три дома. Пока Михалыч был в соседней комнате, собрали совет. Впервые отпускать ребёнка одного за покупками они не решались, и тогда родители сговорились отправить его в магазин под тайным надзором Сани-сына. Саше было поручено незаметно на некотором расстоянии идти следом за Мишутой и наблюдать за тем, чтобы с братиком ничего не случилось. В самом крайнем случае старшему сыну было позволено выйти из засады и принять необходимые меры. Обсуждая всё это, троица тихонько посмеивалась, но всем такая идея очень понравилась. На этом и остановились.

– Шавейка! – позвала мама и, когда сын подошёл, сказала: – Сыночек, мы хотим дать тебе одно важное поручение: надо сходить за хлебом. Ты уже стал взрослым, пора тебе самому учиться делать покупки. Папа даст тебе деньги, положишь их в карман, купишь всё, что надо, и принесёшь сдачу.

– Я один, что ли, пойду? – удивился Миша. – Я же ни разу не ходил без Сашки! А он что будет делать?

– Ну, надо же когда-нибудь начинать, – подключился папа, – тем более что вы много раз туда ходили вместе, а у Саши свои дела.

Миха заважничал и стал собираться. Было приятно осознавать, что выполнять такое серьёзное семейное задание доверили именно ему, а с другой стороны, было немного страшновато идти одному, но показывать это он не хотел. С деловым видом взяв в руку протянутый папой пакет и положив в карман куртки деньги, он вышел за дверь. По подъезду раздался топот сбегающих вниз детских ног. Родители стали спешно отправлять следом Саню-сына. Как только гроыхнула наружная дверь в подъезд, Саняша стал торопливо спускаться вниз по лестнице, а родители со смехом и словами напутствия проводили его в путь-дорогу, пожелав удачи.

Выйдя из подъезда, Миха остановился. На скамейке, жмурясь на солнышке, грелась кошка. Ребёнок подошёл к ней и стал гладить по спинке от ушек до самого хвостика. Кошка млела и «журчала» от удовольствия... Саня терпеливо ждал в подъезде. Наконец Михалыч развернулся и зашагал за угол дома. Небольшой полиэтиленовый мешок, который он держал

в руке, почти волочился по земле. Саша, который следил за ним в щёлочку, бесшумно закрыв дверь, двинулся следом.

Старший брат чувствовал себя одновременно и разведчиком, и шпионом – и до чего же ему нравились обе эти роли! Дойдя до угла, он присел на корточки и быстро выглянул из укрытия. Мишка стоял, опустив голову, и что-то разглядывал на земле, затем поднял какой-то камешек и положил его в карман, после чего опять двинулся в нужном направлении. Дальше дело осложнялось: дорога, по которой шёл Михалыч, была открыта почти со всех сторон, по её бокам стояли только деревья и редкие кусты, что значительно затрудняло слежку. Саняша подождал, когда брат отошёл подальше от дома, и, перебегая от дерева к дереву, последовал за ним. Вспоминая шпионские страсти из любимых кинофильмов, он старательно прижимался к стволам, старался быть незаметным и выглядывал из-за них «одними глазами», хотя, может быть, эти меры были излишними, потому что Миха был «с головой» увлечён разглядыванием всего, что происходило вокруг. Вот рядом с дорогой – куст с красивыми красными ягодами, сияющими глянцевыми боками. Сорвав одну жёсткую ягодку, он поплевал на неё, старательно вытер пыль, положил в рот и стал разжёвывать, но почти сразу выплюнул – такой невкусной и костлявой она оказалась! Тут подбежала маленькая злая собачка, которую выгуливала хозяйка, и с лаем кинулась на Мишу. Мальчик стал размахивать пакетом, отпугивая её, несколько раз топнул ногой и на всякий случай отбежал на безопасное расстояние. Сане тоже пришлось ускорить шаг, и он короткими перебежками, прячась теперь уже за кустами и проходившими людьми, снова последовал за братом.

Следующим объектом, который привлёк внимание Миши, была новая «семёрка», стоящая около девятиэтажного дома. Подойдя к ней и присев на корточки, Михалыч стал с интересом рассматривать сияющие серебром диски, трогать фары и заглядывать под машину. В какой-то момент, потеряв равновесие, он неуклюже плюхнулся на асфальт. Саша нетерпеливо подпрыгивал за высоким кустом, дожидаясь, когда, наконец, брат, утолив своё неуёмное любопытство, двинется к магазину. Саня был очень подвижным ребёнком, но сознание важности возложенной на него миссии и «шпионский интерес» сделали его очень сосредоточенным и терпеливым.

Но дальше идти не пришлось! В нескольких шагах от дороги, рядом со школой, была площадка, на которой несколько знакомых мальчишек более старшего возраста увлечённо играли в футбол. Один из них повернулся и, увидев Мишу, позвал:

– Миха, Осип, иди постой на воротах, у нас людей не хватает!

Миха, бросив пакет на краю площадки, встал в ворота. Ему было приятно, что такие взрослые мальчики позвали его на поле. Игра возобновилась, все воодушевились и с новыми силами стали гонять мяч. Саня начинал терять терпение – и зачем только он согласился следовать за братом?! Но деваться было некуда, и он, выглядывая из-за куста, поневоле стал активным болельщиком! К Сашиной досаде, Миша пропустил несколько мячей и был с позором изгнан из команды как не оправдавший возложенных на него вратарских обязанностей. Взяв пакет и надувшись от обиды, он ускоренным шагом поторопился в магазин, до которого уже было рукой подать, и вошёл вовнутрь. Брат двинулся за ним и, спрятавшись за ларёк с красочной надписью «Цветы», стоявший как раз напротив входа, терпеливо ждал.

Миша вышел на удивление быстро. По очертаниям пакета было видно, что он нёс обычный для их семьи набор: буханку хлеба и два батона, то есть поручение родителей выполнил так, как ему велели! Остановившись у выхода из магазина, мальчик стал считать оставшиеся после покупки деньги и раскладывать их по разным карманам.

«Во даёт Михалыч, подкопить решил! – прыснул Саня-сын. – Наверное, думает, что папа не заметит, что сдачи не хватает!»

Мише было непросто тащить отяжелевший от покупок пакет, он часто останавливался и менял руки.

«Ну, теперь-то он поторопится! Может, хоть обратно дойдём быстрее», – подумал Саня, но радоваться было рано!

Мишину любознательность невозможно было укротить! Вот он увидел, как чайки с резкими, пронзительными криками кружились над мусорным баком в поисках пищи, не боясь присутствия людей. Михалыч замедлил ход и вскоре вовсе остановился, чтобы лучше рассмотреть этих больших красивых птиц, которые, приспособившись к городским условиям, научились искать себе пропитание на городских свалках. Чайки ссорились, вырывая друг у друга чёрствый кусочек хлеба. И тут Мишу осенило! Ведь у него в пакете – целых два батона, и ничего не случится, если он поделится с голодными птицами! Наоборот, он сделает доброе дело, как его учили в семье! Достав один из батонов, мальчик стал старательно отрывать кусочки свежего, тёплого мякиша и бросать его птицам, не забывая время от времени отправлять и себе в рот кусочки хрустящей корочки, аппетитно двигая набитыми щеками. И тут со всех сторон налетели вороны, воробьи, голуби и синицы – настоящий птичий зоопарк! Стоял невообразимый гвалт! Птицы отталкивали, клевали друг друга и спешили отхватить самый крупный кусочек.

Саня, ловко притаившийся невдалеке за чьей-то детской коляской, забыв об осторожности, встал в полный рост и тоже стал наблюдать за этим «птичьим базаром». Увлёкшись, Миха не заметил, как от батона почти ничего не осталось. Спohватившись, он сунул остаток в пакет и, подхватив его только за одну ручку, трусцой побежал в сторону дома. Мешок волочился по асфальту, подпрыгивая на кочках и неровностях, пока в нём не протёрлась довольно большая дыра. Из рваного угла показалась обгрызанная часть батона, но Миша ничего не замечал! Поняв, что поход в магазин очень затянулся по времени, он заторопился домой.

Как хотелось Саше остановить малыша и сказать ему, чтобы взял полиэтиленовую сумку правильно! Но тогда можно было сорвать всю операцию, и Саня, вспомнив своего любимого героя – немногословного и выдержанного сыщика Шерлока Холмса, – продолжал молча следовать за братом, прячась за супружеской парой, степенно шедшей впереди него. Кусок батона удивительным образом всё ещё держался внутри пакета, когда Миша подошёл, наконец, к дому. Тут он бросил мешок на асфальтовую дорожку возле подъезда и побежал в сторону детской площадки, сбоку от которой росла высокая зелёная трава.

И вдруг Сашу осенило: теперь можно не прятаться, а пойти на хитрость! Радуюсь своей находчивости и сообразительности и открыто направляясь в ту же сторону, он крикнул брату:

– Михалыч, ну ты чего... вернулся, что ли? Ты где был так долго? Мы все уже стали волноваться! Я уже хотел пойти тебя искать! А где хлеб?

Говоря всё это, он, хитренько улыбаясь, подошёл к площадке.

– Ща, – ответил Миха, – нарву маме цветочки, потом скажу!

Он усердно выискивал самые крупные ромашки и, собрав небольшой букетик, ответил:

– Да, всё купил, вон у подъезда, сейчас отнесу домой!

– Ну молодец! – с позиции старшего похвалил брата Саня-сын.

С этого дня Миша, с честью прошедший «боевое крещение» (пусть и с небольшими погрешностями), сразу же перешёл в разряд взрослых и стал с гордостью ходить в магазин самостоятельно!

Семейные истории 2

После того как Михалычу исполнилось четыре года, и он достойно прошёл проверку на взрослость, ему стали поручать делать небольшие покупки в ближайшем магазине. Миша стал проявлять к таким походам необыкновенное рвение и повышенный интерес. Как только вставал вопрос о том, кого отправить за хлебом, Мишута мгновенно откликнулся и начинал быстренько собираться! Мало того, он тут же выражал готовность покупать не два, а даже три или четыре батона! Это было всем на руку: сыновья подрастали, на завтрак часто готовились бутерброды с маслом, колбасой и сыром, и батоны исчезали молниеносно! Родители не могли нарадоваться тому, какой у них растёт хозяйственный и исполнительный ребёнок, а уж о старшем брате и говорить нечего: от такого расклада Саня-сын был в полном восторге!

Так как часто нужного количества мелких денег не оказывалось в наличии, папа давал сыну бумажные купюры, но расход их строго контролировался, вплоть до проверки магазинных чеков. Небольшие отступления от заданий, например, покупка мороженого или ещё чего-то вкусенького, не возбранялись, но всё подлежало подотчёту. Всё шло гладко, деньги на покупки родители оставляли на видном месте, а сами спокойно шли на работу, зная, что их задание будет обязательно выполнено.

Но... однажды в выходной день, когда Михалыч в очередной раз, размахивая пакетом, радостно умчался в магазин, мама, встав на табурет, чтобы полить цветок, стоящий на высоком холодильнике, вдруг с удивлением обнаружила рядом с цветочным горшком два нетронутых батона...

Спросив вошедшего на кухню мужа, не знает ли он, почему батоны вдруг оказались наверху в неположенном месте, она не получила никакого внятного объяснения. После чего озадаченные родители, переместившись в комнату и призвав к обсуждению Саню-сына, стали дружно вслух размышлять о том, что бы это значило...

Долго думать им не пришлось! Через какое-то время дверь в квартиру тихонько скрипнула, и мама осторожно выглянула в коридор. И тут она увидела, как Миха на цыпочках, не снимая уличную обувь и сжимая в руке пакет с одним купленным батонem, крадучись проследовал на кухню. Он был охвачен только одним желанием: как можно быстрее и бесшумнее выполнить задуманное, и поэтому, потеряв бдительность, не заметил, что в глубине коридора за ним наблюдала мама. Беззвучно подставив табуретку вплотную к холодильнику, Михич залез на неё, встал на цыпочки, достал с холодильника оба «вчерашних» батона, быстро запихнул их в тот же пакет, спрыгнул с табуретки и закричал на всю квартиру:

– Мам, я купил целых три батона по тринадцать копеек, как ты просила! Вот сдача – считай, – говоря это, он шёл по коридору, протягивая ладошку с мелочью.

Мама, стоя в коридоре, прыснула от смеха и наконец расхохоталась во весь голос! Теперь ей стало понятно, что смекалистый младший сын, несмотря на папин контроль, изобрёл всё-таки оригинальный способ «экономить» на свои нужды хоть какие-то денежки: он прятал один или два батона на холодильник, родители считали, что они уже съедены, и опять давали Мише деньги для покупки новых. Он тут же благополучно их прикарманивал, пуская в ход спрятанные батоны! Таким образом, у него всегда были «свои», никем не контролируемые, накопления, которые он всегда мог потратить на свои «пацанские» нужды!

Вся семья собралась на кухне... Папа, узнав о хитроумной комбинации, очень удивился! Он-то всегда считал, что его никто и никогда в жизни не сумеет обвести вокруг пальца! А тут родной младший сын проявил такие чудеса мошенничества, находчивости и недетской хитрости, до которых не додумается даже взрослый человек! Вдобавок всем стало понятно, что он пользовался таким способом «обогащения» уже довольно длительное время!

– А как же чеки?! Ты ведь всегда их приносил для папы... Где же ты их брал? – с наивной растерянностью спросила мама.

– Да их везде можно найти, только число чтоб было нужное!.. – спокойно объяснил сынок, и было видно, что он не очень-то и расстроен разоблачением. В нём явно сидела уверенность: обязательно подвернётся случай, который позволит ему придумать другой хитроумный способ «обогащения».

– Да-а-а, – в задумчивости протянул папа, – с такими способностями извлекать прибыль и находить выход из любой ситуации Михалыч когда-нибудь точно станет у нас крутым предпринимателем!

Кстати, утверждение папы было небезосновательным и со временем действительно оправдалось! Повзрослевший Михаил, максимально проявив свои коммерческие способности, единственный из всей семьи, основал свою собственную компанию!

Семейные истории 3

Отправив детей на улицу, мама Марина готовила обед, когда раздался звонок в дверь. На пороге стояла пожилая соседка и подозрительно ласково улыбалась. Мама почувствовала неладное.

– Марина Александровна! – торжественно сказала женщина. – Мой внук только что пришёл с улицы и задал мне вопрос: «Как это тётя Марина может позволять, чтобы её сыновья вместе с братьями Поповыми курили в кустах?» И мне нечего было ему ответить! – добавила она, поджав губы.

– Не может быть! – удивилась мама. – У нас в семье никто не курит, не думаю, что вы правы...

– Мой Рома – вы знаете – очень дисциплинированный и воспитанный ребёнок, он никогда плохими делами во дворе не занимается! И зря наговаривать ни на кого не станет, – гордо добавила соседка.

Маме нечего было возразить! Действительно, в их подъезде, а может, и во всём доме, было всего два мальчика – Рома и Тёма, – которые всегда появлялись на улице чистенькими, коротко стриженными и никогда не забывали здороваться с соседями! Им надевали светлую одежду, и, вероятно, боясь её испачкать, ребята чинно разгуливали по двору и единственное, что они себе позволяли, – висеть на нижних толстых ветках деревьев, растущих возле дома, или во дворе – на металлическом турнике. Остальные же дворовые дети носились по стройкам, огородам, играли во всякие подвижные игры, отсиживались в своих секретных детских укрытиях и периодически группками исчезали со двора в неизвестном направлении, вызывая постоянное беспокойство родителей.

– Спасибо, что Вы меня предупредили, – поблагодарила мама Марина.

– А Вам даже на улицу выходить не надо! Посмотрите вниз в окно, и вы всё увидите, – добавила соседка. Выполнив задание своего приличного внука, не входящего в эту хулиганскую компанию, она с чувством выполненного долга удалилась.

Мама поспешила к окну. С высоты пятого этажа открывался прекрасный обзор! И тут она увидела, как над одним из кустов у стены дома волнистыми клубочками поднимается серый дымок. Быстренько спустившись по лестнице и зайдя за угол, потихоньку подошла к кустарнику. Мальчишки с тлеющими самокрутками и чумазыми носами, «потеряв бдительность», сидя на корточках, громко спорили из-за куска грязной газеты. Рядом на земле валялись обрывки горелой бумаги, коробка спичек и кучка сухих листьев.

Увидев маму Марину, ребята растерялись и почему-то сразу выпрямились и встали по стойке «смирно!»

– Боже мой! Не верю своим глазам, – возмущённо стала наступать мама. – Вы что делаете? Вы листья, что ли, курите? Вот эту грязь в рот берёте? Вы даже не представляете, сколько болезней можете себе заработать!

– А вашей маме я сейчас же позвоню, – пообещала мама Марина братьям Поповым.

– Поднимаемся домой! – скомандовала она.

К счастью, папа был дома, а так как и прежде родители находили в карманах у сыновей «подозрительные» крошки, акцию дальнейшего воздействия решили не откладывать и продолжить в домашних условиях.

Посадив сыновей напротив себя на диван, папа с сердитым выражением лица сказал:

– Не думал я, что вы станете этим заниматься! Вы видели, чтобы я или мама когда-нибудь курили?.. Нет! – тут же сам выразительно ответил отец. – А всё потому, что мы хотим быть здоровыми людьми! Вы в курсе, что когда с такого раннего возраста ребёнок начинает

курить, у него замедляется не только рост в высоту, но и голова прекращает развиваться и становится маленького размера, и человек глупеет?

Сыновья, притихнув и переглядываясь, молчали.

– Мама, неси сантиметр, сейчас мы будем их измерять, – потребовал папа.

– Да не надо нас измерять, нормальная у нас голова! Так не бывает! – опомнившись, попробовал сопротивляться Саня-сын. – И не обманывай... все курят – и ничего!

– Как это ничего?! – возмутился папа Володя. – А почему в школах столько двоечников, а в поликлиниках – громадные очереди кашляющих людей, как вы думаете? Так что сидите спокойно и молчите!

Произведя все необходимые «замеры», папа с огорчённым видом произнёс:

– Ну вот!! Что я говорил?! Меньше нормы на два сантиметра... у обоих! Скоро, мама, они у нас станут глупенькими и, когда пойдут в школу, будут сидеть по три года в каждом классе.

Мальчишки округлили глаза...

– Пап, ты что говоришь?! – встрепнулись сыновья. – Ты за кого нас принимаешь? Мы уже бросили давно! Когда все мальчики во дворе только начинали курить, мы уже бросили – правда! Мы же не дураки!.. Просто листья мы никогда не курили, вот и решили попробовать!

– Ах, листья?!.. И что, понравилось? – допытывался отец.

– Нет, они ужасно горькие! Совсем не понравилось!

– Это точно? – добивался папа, сделав выразительную паузу. – Тогда ладно, на первый раз – поверю! Но измерять вас я теперь буду каждую неделю, пока не удостоверюсь, что вы честные ребята! – сказал он, незаметно подмигнув маме.

«Контрольный день» был назначен на субботу, замеры проводились в присутствии «взволнованной» мамы, чинно и на полном серьёзе. Каждый раз папа успокоенно одобрял:

– Знаешь, мама, не волнуйся! Кажется, теперь головы уже не уменьшаются! Наверное, наши сыновья поняли, что куренье может для них плохо обернуться! Ладно, подождём до следующей субботы!

Мальчишки, радостно переглядываясь, убежали!

В курении они больше замечены не были. Инцидент был исчерпан! А история эта веселит повзрослевших сыновей до сих пор...

Но как непредсказуемы повороты судьбы!.. С тех пор прошло много лет, и, как оказалось впоследствии, именно те два примерных мальчика: Рома и Тёма – стали пьющими людьми и, не сумев устроить личную семейную жизнь, так и остались жить с состарившимися родителями, доставляя им постоянные душевные страдания и сделав несчастными свои семьи...

Мария Аверина

Запрещённая колбаса

Плохо быть больным человеком, особенно в больнице. И так у тебя что-то болит, а ещё орать нельзя, и есть ничего вкусного не дают. Сами подумайте, можно ли долго прожить без солёных огурцов, чипсов, копчёной колбасы... Хорошо хоть – моя бабушка это понимает.

Как-то во время тихого часа пришла ко мне в больницу бабуля. Встала под окном и закричала:

– Маша-а-а... Маша-а-а...

Я вскочила с кровати и к окну подбежала, выглянула, рукой помахала. Потом окно открыла и закричала:

– Бабуля!!! Я ужасно ждала тебя!!

– Я же обещала прийти...

– Что-нибудь вкусное принесла?

– Принесла, но я не знаю, как тебе передать.

– погоди, я щас придумаю что-нибудь.

Повернулась к девчонкам – они тоже заинтересовались, ясное дело, – доложила:

– Мне бабушка запретные вкусности принесла, а как их достать – ума не приложу!

Света с кровати у окна подала умную мысль:

– В соседней палате верёвка есть, щас потихоньку сбегая, возьму, – и исчезла.

– Бабуль, подожди, мы тебе верёвку кинем.

Светка вернулась с верёвкой, мы один конец привязали к решётке, а другой сбросили бабушке. Вику у двери на шухере поставили – от медсестры. Бабуля привязала пакетик, и мы начали тянуть. И тут Вика тревогу подняла:

– Народ! Медсестра идёт!

Я забеспокоилась:

– Бабуль, ты иди, медсестра ругаться будет. А завтра приходи, завтра – день посещений.

Бабушка рукой помахала и ушла. Я быстро окно закрыла и в кровать. Зашла медсестра, палату оглядела и спросила сурово:

– Маша, это ты тут орала?

Я, не открывая глаз, ответила:

– Нет, я сплю себе.

– Ну, я вижу, как спишь! Девочки, ведите себя тихо. Чтоб больше никаких криков я не слышала!

Пока она говорила, верёвка с пакетом мирно болталась за окном, мы недотянули пакет на целый этаж. Я старалась не смотреть в сторону окна, чтобы нашу верёвку не заметили.

Наконец медсестра ушла, Вика вернулась на свой наблюдательный пост, я открыла окно и потянула верёвку. Шла она легко, пакет казался каким-то подозрительно лёгким. Вытянула я верёвку – а на конце её ничего нет. Света взвизгнула:

– Эй, а где пакет?! Там же минуту назад еда была?

Я пожала плечами:

– Может, кто со второго этажа снял и себе присвоил.

– И что теперь?

– Надо идти на второй этаж, – вздохнула я.

– Ну ты удумала! Кто же тебя туда пустит? – хмыкнула Вика. – В чужое отделение.

– Спустишь незаметно, – спокойно пояснила я. Девчонки смотрели на меня непонимающе, пришлось пояснить: – Да на лифте для медсестёр.

– Ты до него сперва дойди! – хором выпалили они.

– Запросто! Только вы сестру отвлеките.

Тут Аня, которая до сих пор тихо сидела в своем углу, предложила:

– Давайте я отвлеку. Притворюсь, что мне плохо, а ты выбежишь из палаты.

Так мы и сделали. Напихали игрушек в мою кровать и аккуратно накрыли одеялом, а я за дверью спряталась. Тут Аня начала истошно орать:

– А-а! Помогите, умираю!

Медсестра прибежала мигом. Пока она суежилась возле Аньки, выясняя, в чём дело, я тихонечко из палаты выскользнула. И бегом к лифту!

Вызываю лифт, захожу в него и нажимаю на кнопку второго этажа. Лифт с места не сдвинулся, но начал мигать. Это потому, что он по инструкции меньше пятидесяти килограммов не возит, а я весила всего двадцать девять. Ситуация просто безвыходная: где ж я ему ещё столько килограммов возьму? И вдруг я заметила рядом с лифтом тележку с огромной кастрюлей. Подошла, заглянула под крышку: вроде компот. Вот это везение! Тележка и одна весит порядочно, а уж с компотом...

С трудом я втащила тяжёлую тележку в лифт и беспрепятственно доехала до второго этажа. Осторожно огляделась по сторонам, медсестры на посту было. Я пулей пронеслась в палату, которая, по моим расчётам, находилась под нашим окном. Вбежала и с порога выпалила:

– Мальчишки, а где пакет с запретной едой?

– Так это твой пакет? – хмыкнул самый здоровый пацан. – А мы глядим – пакет перед окном висит... Тут как раз медсестра пришла. Увидела пакет, отвязала и сказала, что отнесёт на третий этаж – выяснить, чей он.

Тут я сообразила, почему медсестры на посту не было. Чуть позже до меня дошло, что она сейчас с нашей медсестрой разбирается, кто так грубо нарушил правила и режим отделения. Я буркнула пару слов благодарности и понеслась в обратном направлении. Подбежала к лифту, вызвала, вошла внутрь – о ужас! – тележки нет. Как теперь ехать – непонятно! Я нажала на кнопку, лифт замигал, но с места не сдвинулся – килограммов ему мало! Я бегом обратно к мальчишкам в палату. Они удивились:

– Опять ты? Зачем вернулась?

– Да мне килограммов не хватает, чтобы на лифте доехать.

Мальчишки тут же нашли выход:

– У нас тут сушек прорва, ты наешься поплотнее, килограммы и прибавятся.

Сушки я не очень люблю, но пришлось есть. Съела штук десять сушек, наелась до отвала. Теперь веса должно хватить! Я побежала обратно к лифту. Палец на кнопку пристроила – без толку, всё равно килограммов не хватает. Я снова к мальчишкам за подмогой бросилась:

– Всё равно лёгкая я, лифт не везёт.

Тут один мальчик вызвался со мной проехать: двоим килограммов должно хватить. Мы с ним побежали к лифту уже вдвоём, нажали кнопку третьего этажа. Лифт закрылся и поехал.

Приехали на третий этаж. Тут мальчик сообразил, что обратно и он один не поедет. Я вышла, а он в лифте стоит.

– Ну, жми! – тороплю его я. Он нажал изо всех сил.

– Нет, не едет.

– Давай теперь я с тобой съезжу, – великодушно предложила я.

– А потом?

– Потом придумаем что-нибудь.

Доехали до второго этажа, ничего не придумали. Он вышел, а я осталась. Лифт и с места не тронулся.

Мы ещё раз поднялись наверх вместе, а потом пришлось вниз ехать вдвоём... Стали спускаться в очередной раз – и тут лифт застрял между этажами.

– Лифт застрял, – тоскливо сказал мой товарищ по несчастью. – Как же теперь мы из него выберемся?

– Никак, – сказала я обречённо и села на пол. – Мы умрём тут совсем одни.

– Ты чего сидишь, – забеспокоился мальчик. – Сделай что-нибудь.

– Некогда мне, я умирать приготовилась...

– Тебе хорошо, ты хоть не голодная умрёшь: сушек наелась...

– Зато я так и не узнаю, что было в пакете с запретной едой, – грустно сказала я. – Тебя хоть зовут-то как?

– Вадик, а что?

– Должна же я узнать, с кем вместе умираю.

Мы помолчали минуты две. Потом Вадик спросил:

– А тебя как звать?

– Маша я.

– Вот не думал, что вместе с Машей умру.

– Я тоже с Вадиком умирать не планировала.

– А ведь страшно умирать.

– Очень страшно, – подтвердила я.

И вдруг слышим голос сверху:

– Маша, ты там?

– Я уже ангела слышу.

– Нет, это не ангел, – заявила я. – Я всегда плохо себя веду, так что это, наверное, чёрт.

– Почему же голос сверху и совсем не злой?

– Так этот чёрт в гости ходил к ангелам и у них научился.

– Нет, я себя хорошо веду, – упорствовал Вадик. – Так что это всё же ангел за мной прилетел.

Вот обидно ведь, если б я про ангелов раньше подумала, так хоть чуть-чуть лучше вела себя.

Тут опять тот же голос:

– Маша, ты в лифте?

– Слышишь, это меня зовут.

– Ты не отвечай, – зашептал Вадик, – вдруг это и вправду чёрт. Не хочу, чтоб меня чёрт забрал из-за тебя.

Сидим, молчим.

Через полчаса нас из лифта всё же высвободили. Оказалось, что медсестра принесла нам в палату градусники. Тут и выяснилось, что меня нет. Девчонок долго расспрашивать не пришлось, очень уж они испугались. Света проболталась про пакет, за которым я поехала. Медсестра пошла меня искать и обнаружила застрявший лифт.

На свободе я быстро забыла, как собиралась умирать. А вот чёрта вспомнила.

– Представляете, нам чёрт сверху кричал, – сообщила я медсестре.

– Какой ещё чёрт?

– Страшный, но с ангельским голосом.

– Так это я тебя звала.

– А я думала, что за мной чёрт должен прийти. Я ведь всегда плохо себя веду.

Медсестра чему-то улыбнулась. Потом она отвела меня в палату, а Вадика отвезли на второй этаж. Она ещё немного поругалась, но сунула мне пакет с запретной едой. И взяла честное слово, что больше я такого вытворять не буду.

Мы с девочками сидели в палате, ели конфеты и чипсы, а я рассказывала про лифт. Хорошо всё-таки, что мы не умерли. Я ещё успею вести себя хорошо, и черти мне мерещиться не будут.

Непотопляемый «Титаник»

Фильм «Титаник» я увидела, когда мне было двенадцать лет. К тому времени все девчонки в нашем классе, и не только в классе, и даже не только в школе форменным образом помешались на этом шедевре. Скорее даже не на нём, а на актере Леонардо ДиКаприо. Чего только я не слышала: и красавчик он, и талант уникальный. Все другие любви были напрочь забыты, даже светловолосый Роман из параллельного класса резко растерял своих многочисленных поклонниц.

– Что за фрукт этот самый ДиКаприо? – с любопытством спросила я подружку Верку. – С чего это вдруг все наши девчонки дружно по нему сохнуть принялись?

– Ты что же, «Титаник» не видела? – удивилась Верка и уставилась на меня, как на чудо. – Такой фильм все должны смотреть в обязательном порядке.

– Что, и вправду такой хороший?

– О-очень! – закатила глаза подружка. – Да у меня на видике есть. Хочешь посмотреть?

– Давай, – говорю, – а то я отстала как-то с этим.

Пришли к Верке, устроились на диване поудобнее – смотрим. Вот уж полфильма прошло, уже и корабль всю тонет, а красавчика всё не видать. Я не выдержала и спросила:

– Когда ж этот ваш Каприо появится, сколько можно пялиться зря?

Верка аж на диване подпрыгнула:

– Ну ты и дубина! Вот же он в длинном пиджаке, главный герой – Джек.

– Да-а, – промямлила я. – Никогда бы не подумала!

Дальше мне было уже неинтересно, красавчик оказался довольно страшненьким, к тому же словно в сахарном сиропе вымоченным. Эдакий герой из сказочки для пятилеток, только не слишком симпатичный. Такого разочарования я давно не испытывала. Верка в восторге пялилась на экран, а я тоскливо рассуждала: что же во мне не так, если мне не нравится всеобщий любимчик? Может, у меня вкуса нет?

Но я была девочкой упорной и посмотрела фильм ещё пять раз в течение десяти дней. Конечно, у Верки. Научилась даже томно вздыхать и закатывать глаза, выговаривала с придыханием: «А-ах, Лео!» Вот только мне он по-прежнему казался страшненьким.

В то лето бабушка отправила меня в лагерь. И – ужас! – там девчонки не только глаза закатывали, но ещё и на одежде носили его портреты. Я думала, что сойду с ума! Куда бы я ни шла, везде был ДиКаприо: на топиках, шортах, футболках, сумках. Ну всё, думаю, мир совсем одикапрился... Страшно стало... Именно тогда я поняла, что не способна его послушно полюбить, и даже вообще – ненавижу.

Пока я таким образом мучилась в лагере, бабушка уже закупала мне к школе нужные вещи: ручки, карандаши, тетради и прочие мелочи. И вот приезжаю я счастливая домой с надеждой наконец-то избавиться от надоевшего образа. И так мне было уютно, весело, что я даже не сразу поняла, что изменилось в доме за время моего отсутствия. Потом до меня дошло: НИГДЕ, вот просто совсем НИГДЕ нет Лео ДиКаприо. «Вот оно – настоящее счастье», – подумала я.

Вдруг бабушка заявляет:

– Машуль, а я тебе тетради купила – загляденье, смотри, какие красивые.

Я взяла тетрадку из пачки, и мне стремительно поплохело. На всех тетрадях реалистично изображён ДиКаприо в разных позах. У меня даже в глазах помутнело. «Боже! – взмолилась я мысленно. – Я такая была хорошая всё лето. Избавь же меня от этого всеобщего любимчика хоть за моё прекрасное поведение! Иначе я утону в дикапривщине, как в болоте».

А бабушка выжидающе смотрела на меня и улыбалась.

– Довольна ведь? Угодила я тебе?

Я с трудом выдавила улыбку и промямлила:

– Миленькие тетрадки, спасибо!

А сама затосковала: теперь это лицо буду видеть ежедневно – и в школе, и дома!

Бабушка всё же что-то заметила по моему лицу:

– Ты что-то не очень довольна. Или тебе портреты не нравятся? А я ведь думала...

Я поняла, что бабушка расстроится, обидится. Никак нельзя обижать бабушку, и я начала фальшиво нахваливать:

– Что ты, мне страшно нравятся тетрадки! Они офигенные! Все девчонки обзавидуются.

Кажется, бабушка поверила и успокоилась.

Но вот и Первое сентября. Я с отвращением кладу тетради с изображениями ДиКаприо в сумку, иду в школу, захожу в туалет – раритеты выбрасываю в мусорку. Весь день писала на отдельных листочках.

Прихожу домой – сложный момент: нужно признаваться, иначе само вылезет потом.

– Бабуль, ты не сердись, но я случайно потеряла тетради.

– Как, все сразу?

– Ну да, – отвечаю, а сама чувствую, что краснею.

– Боже мой! Какая же ты растяпа! Как надо было умудриться потерять тетради? Да ещё и все сразу!

Тетрадок штук шесть было, не меньше. На месте бабушки я удивилась бы ещё больше.

Конечно, бабуля побежала в магазин. А я осталась довольна: малой кровью ведь отделалась. Ну, отругали немного, зато этого Лео в моей жизни больше не будет.

И тут бабушка из магазина вернулась, протянула мне тетради... А на них... ДиКаприо! У меня аж сердце упало. А бабуля довольно сообщает:

– Там были с собачками и с котятами. А эти, последние, я для тебя забрала, раз уж он тебе нравится.

И зачем я в прошлый раз так восхищалась тетрадными обложками?! Теперь я совсем приуныла – поняла, что этот голливудский субъект так и будет меня преследовать. Неужели же всю жизнь?! Совсем я не собираюсь им увлекаться. Вот просто ни капельки!

– Конечно, прежние тетрадки получше были, – продолжала бабушка. – Но ты ведь сама виновата!

Я присмотрелась: и впрямь совсем дрянные картинки. Красавчик Леонардо на них совсем уж неказистый вышел, будто даже косоглазый.

С горя звоню Верке:

– У меня горе, Вер!

– Какое ещё горе? – заинтересовалась подруга.

– ДиКаприо меня преследует, прямо как маньяк!

– Как это преследует? Расскажи-ка поподробнее, – Верка аж в трубку засопела от любопытства.

– Да это я образно так... А на самом деле он всю мою жизнь одикаприл. Он же везде, просто везде – и на моих тетрадях тоже.

Верка рассмеялась:

– Вот чудная! Купи другие тетради, и дело с концом!

– Не могу, бабушка обидится. Сама ж ей сказала, что люблю его.

– И глупая! Сама виновата.

Всю ночь я не спала. Всё думала: что теперь делать? Кое-что всё же в голову пришло: распределю-ка я тетради по предметам и по степени отвращения к ним. Чем противнее кар-

тинка на тетради, тем менее любимым был предмет. Вот этого перекошенного ДиКаприо – на физику, да! Большого она и не достойна! Вот этого косого ДиКаприо на алгебру...

Распределила я тетради, и мне это даже нравится начало. Ведь если были бы у меня красивые тетради, так в них и писать жалко всякую ерунду. А такие страшненькие для физики или алгебры сгодятся. Когда же тетради закончатся, и я куплю себе новые: нормальные – без ДиКаприо. Эта мысль меня немного утешила.

Но прошло совсем немного времени, и заботливая бабушка снова принесла мне тетради с физиономией ДиКаприо... Мол, ещё купила про запас.

И я решила «приручить» себя к ДиКаприо, раз уж деться от него некуда. Говорят, за двадцать один день к чему угодно привыкнешь, даже полюбить можно при большой тренировке. Стану я на его рожу на обложках по десять минут каждый день смотреть – может, полегчает. Хотя с мытьём посуды у меня этот номер не прошёл – так и не полюбила.

Решено, буду привыкать! Каждый день перед уроками я упорно пялилась на лицо с тетрадок. На уроках тоже пялилась, но не так старательно. Иногда что-то писать приходилось. Результат нулевой! Разве что девчонки моим тетрадкам завидовать стали. Но и это не утешало.

Так тяжело и протекал учебный год. Но за месяц до его конца я не выдержала: обрыдла мне ненавистная физиономия. Звоню подружке:

- Вер, давай мои тетрадки сожжём!
- С ума сошла! Ещё почти месяц учиться!
- Больше не могу его терпеть в своей жизни, этого вашего Лео!

Вечером мы разожгли костер во дворе, и я с удовольствием закинула в него тетради с ДиКаприо. Стою счастливая, улыбаюсь. Верка удивлённо спрашивает:

- Чему так радуешься?
- Избавилась от него, наконец!
- Зря радуешься, бабушка тебе ещё купит.

Я со всех ног кинулась домой: только бы успеть, пока не купила. Вбегаю, едва отдышавшись, ору:

– Бабуля, не покупай мне больше ДиКаприо! Я этого больше не вынесу! Я его на самом деле терпеть не могу!

Бабушка долго стояла молча, ошарашенная. Потом сказала:

- Что ж ты до сих пор не признавалась?!
- Боялась, что ты обидишься...

– Лучше сказать обидную правду, чем целый год так притворяться. Я бы на твоём месте не вытерпела целый год.

Больше я никогда не употребляла сладенькой лжи. Во всяком случае с бабушкой.

Ничейный мальчик

В тот день в детском саду меня сильно обидели. Дима из нашей группы бросил мне за шиворот червяка. Не очень мне нравятся червяки, тем более – у меня за шиворотом! Я обиделась и спряталась за кустами сирени, у самого забора.

И тут увидела: за забором мальчик. Он тоже меня заметил и уставился, словно я вся чумазая и лохматая. Он точно был странный. И очень грязный.

– Привет, ты что тут делаешь? – начала я разговор.

– Смотрю, что за вашим забором делается.

– Тут скучно, ничегошеньки не делается. Я, наоборот смотрю, что на улице происходит.

Он удивился:

– Зачем тебе?

– Так интересно. У нас только глупые игры, а снаружи все по делам спешат. Я тоже хочу куда-нибудь идти, а не сидеть без дела. Хочешь со мной наблюдать?

Он чему-то очень обрадовался:

– Хочу, но я же – за забором. Как же я наблюдать буду?

– Так ты лезь сюда.

– Как же я к тебе попаду? Забор высокий.

– Тут в одном месте есть дыра, я покажу. Ты в неё пролезай.

Он пролез между сломанными досками, и мы вместе сели у кустов сирени. Минут через десять он заметил:

– Отсюда смотреть интереснее. Все куда-то спешат, и вид у них деловой. И даже таинственный.

– Все спешат к кому-то, – глубокомысленно заключила я.

– Почему ты так решила?

– Так ясно же: с портфелями – к начальникам на работу, с пакетами – к детям с подарками. А без всего – из сада и школы детей забирать. Моя бабушка всегда за мной приходит мимо забора, во-о-он в ту калитку.

Он помолчал с минуту, потом сказал грустно:

– Я бы тоже хотел к кому-нибудь идти.

Тут удивилась я:

– Так ты же оттуда. Ты разве ни к кому не шёл?

– Нет, мне некуда идти, – сказал он совсем печально. – Я ничейный.

Я выпучила глаза от изумления:

– Как ничейный? Такого не бывает.

– А вот бывает, – вздохнул он. – Вот ты чья?

– Бабушкина.

– А я ничей.

– Врёшь! Все мамины или папины, или бабушкины! – рассердилась я.

– Вот и не вру, – обиделся он. – Ты же мне друг, а друзьям не врут. Мой папа занят всё время, и я ему не нужен. Значит, я совсем одинок.

– И чем таким важным он занимается?

– На диване лежит и говорит, что занят.

– Моя бабушка тоже бывает занята: она пирожки печёт и конфеты покупает, или дурацкую кашу варит. Но это не значит, что я не её!

Мы помолчали.

– А ты в школе учишься, да? – спросила я из жалости, уж очень грустно он молчал. – И я в следующем году иду в школу, здорово, правда?

– Совсем не здорово. Скучно, надо уроки делать и таблицу умножения учить. Мне надоело.

– А что тебе нравится делать?

– Смотреть, как вы играете там, за забором.

Тут нашу группу позвали на обед.

– Ты сейчас уйдёшь? – расстроился он.

– Да, мы сейчас обедать будем. Потом спать, и опять гулять.

– Принеси мне что-нибудь поесть, – попросил он.

Я обрадовалась:

– Так ты меня будешь ждать?

– Конечно. А ты скоро придёшь?

– Часа через три. Ты только дождись меня.

Я ушла на обед, а мальчик остался сидеть у кустов сирени.

На обед давали борщ, кашу и апельсины. Апельсин я припрятала для мальчика.

Во время тихого часа я всё лежала и думала: неужели бывает, что бы кто-то был ничейный?

После сна я очень ждала прогулки. Но начался дождь, и прогулку отменили. Я смотрела в запотевшее окно, пытаюсь разглядеть мальчика. Но его уже не было видно, наверное, он не дождался меня.

Вечером я спросила бабушку:

– Бывает, чтобы кто-то был ничейный?

Бабушка удивилась:

– Как это – ничейный?

– Вот я же – твоя, а ты – моя. А тот мальчик сказал, что ничейный. Ему даже идти не к кому там, за забором...

Тема разговора бабушке явно не нравилась. Но она ответила:

– Человек может быть ничейным, если ему самому никто не нужен. Если ты что-то делаешь для других, то ты всегда будешь кому-то нужен... А что за мальчик?

И я рассказала о своём знакомом, о том, что припрятала для него апельсин, а он меня не дождался...

Всю следующую неделю я собирала для него апельсины и яблоки. И всё смотрела в сторону забора. Где же он? Я ведь его жду, а он даже не знает, что он больше не ничейный...

Но мальчик больше не пришёл.

Мила Ба-Юда

Бабкины дети

Внукам моим, родным и не родным, посвящается.

Часть 1

Симпатичное личико Мишки было сосредоточенно напряжено, что случалось нечасто, но сейчас под упрямым его пальцем, соскабливающим плёнку с наклейки, появлялось изображение синей-пресиней машины такой красоты, что дух захватывало. Однако нетерпение подвело: на месте колеса машинки появилась дырка, она увеличилась, и наклейка была испорчена окончательно. Мишка расстраиваться не стал, из кармана шорт достал новую, благо бабка его не обижала и накупила ему несколько наклеек разных цветов.

Жил Мишка с бабкой. Отца своего он не знал, и никто его не знал: он, отец, как-то в природе растворился, так и не проявившись, а мать, пьяницу и наркоманку, отбывавшую срок, к семи годам забыл совершенно. Мишка, называя бабку матерью, чувствовал себя превосходно, ведь имелось столько наклеек; куцую свою семью (из бабки и себя) любил, бабке не перечил, в меру сил помогал и чётко был уверен в том, что так и должно быть.

Попал Мишка к бабке не сразу: от рождения он жил с матерью в однёрке в гостинке, и пока мать пила, кололась и хороводилась с мужиками, представленный сам себе, прошёл все «гостинкины университеты» – и к трём годам умел браниться, драться, кусаться, ломать свои и чужие игрушки, делать из палочки сигарету и отбирать у других хлеб. Нельзя сказать, что в это время он не был знаком с бабкой, но бывал у неё неохотно, тяготился неволей, называл её «дурой» и кидался драться, если что не по нему. Да и бабке, по правде, было не до него: она выплачивала долги за свою непутёвую дочь, прятала поценней вещи, спасала гостинку (оплачивая квартплату), таскала им сумки с продуктами, чтоб с голоду не замерли (как говорила она), скрывая своё горе от деда, который уже не вставал, пыталась дочку лечить, но тщетно.

По младости лет всего этого Мишка не знал, как и не знал, как плачет бабка по ночам (сама военное дитя), не понимал, конечно, что только одна она думает о его будущем, и не догадывался что эту семейную «войну» бабка проиграла окончательно и бесповоротно. Всё случилось разом: умер дед (смерти Мишке не показали), однёшку потеряли за долги, а Мишку прописали на бабкину площадь и замели мать надолго, чего Мишка совсем не понял, привыкший к её отлучкам. Бабкино поражение было предрешено (не помогли ни умение работать с утра до ночи, ни умение экономить и выживать) и было столь мучительным и постыдным, что бабка осунулась и поседела.

Тщательно скрывая свою боль, она сосредоточилась целиком и полностью на внуке. Мало зная о макаренковских приёмах, бабка попыталась было ладом: отмыла, накормила, придела замурзанного внука и тут только поняла – как она его любит и как он на Гошеньку (так она деда в юности называла) похож, уж он-то не обманет её надежд! Мишкино «гостинкино» образование давало о себе знать, и бабка потащила его в церковь, а потом и вовсе взялась за ремень. Памятуя поражение в семейной войне, бабка лупцевала его жёстко за что ни попадя, и вскоре все соседи не узнали Мишку – сытый, чистенький, ласковый: он знал всех бабок в подъезде по именам, здоровался сто раз на дню, умел говорить «спасибо», когда какая-нибудь сердобольная соседка совала ему гостинчик (печенье, сушечку). А самое глав-

ное, Мишка работал вместе с бабкой – с ней вместе вставал раным-рано, без нытья деловито одевался и раньше неё был уже у двери каптёрки мусоропровода. Всякий раз Мишка открывал дверь, когда бабка выталкивала тележку с мусором из каптёрки. Наверное, бабка справилась бы и одна, подпёрла бы дверь каптёрки, чтобы она не закрывалась, но вместе с Мишкой (так она говорила ему) ей работать легче и быстрее. Не слонялся Мишка и когда бабка дворничала, у него был даже свой участок, – он подметал закоулки маленьким веником. Свято выполняя дворовую традицию, он подкармливал дворовых кошек и котят, которые бессчётно плодились в подвале дома. Мишка окончательно покорила сердца бабок подъезда. Почти все они его любили, порой журили, но Мишка, воспитанный своей бабкой-матерью, умел не огрызаться в ответ на замечание, и всеми это качество очень ценилось. Доставалось и Мишкиной бабке-матери по поводу работы внука; на что бабка резонно отвечала: «Ему уже шесть годов, пора и к делу приставлять!»

Часть 2

В новенькой школьной форме, в кроссовках со всякими наклейками, с ярким рюкзаком, с астрами, купленными по случаю, гордый Мишка с бабкой явились в первый класс. В глазах принаряженной бабки светилась надежда, она почему-то волновалась и ежесекундно поправляла ему съезжающий набок синий галстук. Когда Мишка звонко рассказал четверостишие и пошёл с учительницей и другими ребятами в класс, бабка прослезилась.

Гром грянул неожиданно. Гуляя, Мишка услышал бабкин призыв; приученный к порядку, он явился сразу же и не узнал бабку: постанывая, она корчилась на диване и велела позвать соседку, бабку Нину. Мишка поспешил к соседям. Бабка Нина в молодости работала медицинской сестрой и теперь в подъезде была кем-то вроде профессора в медицинских и житейских вопросах. На глаз бабка Нина подтвердила опасения Мишкиной бабки – что так просто боль не пройдёт и без «скорой» не обойтись. Машина скорой помощи увезла Мишкину бабку в больницу, а он, Мишка, получил от неё наказ: слушать бабку Нину, у которой он теперь будет жить. Мишка хотел что-то возразить, но выразительный взгляд бабки-матери на ремень, который висел теперь больше «для порядка», прекратил все его возражения.

Впрочем, пожить немного у бабки Нины было даже интересно. У них был большой телевизор, дед Иван, высокий и загорелый, и внучка Варька, Мишкина одноклассница, рыжая и бедовая. Вообще-то у бабы Нины и деда Ивана было много внуков и внучек, но они жили у себя дома с матерью и отцом и время от времени проводывали стариков. Варька же жила у них постоянно. Почему это так, Мишка не знал, да и не задумывался.

И тогда только все в подъезде узнали про «тётку с каблуками», так её Мишка называл.

Она и раньше к ним с бабкой являлась из опеки (Мишка думал, что это дом, где что-то пекут, ведь они с бабкой тоже пекли пироги и блины и замораживали к случаю). Всякий раз, как она являлась, бабка её ждала, готовила заветную тетрадочку и, волнуясь, рассказывала тётке, что купила своему ненаглядному: то булочку, то рубашку, то книжку. Тётка с каблуками слушала, что-то писала в тетради, а иногда разговаривала с Мишкой. Мишка не любил эти разговоры, но бабка велела, и он вежливо отвечал тётке: «Да, нет». Обнаружив Мишку у бабки Нины, тётка с каблуками начала кричать: «Почему не сообщили», но узнав, что бабка Нина воспитывает Мишку за свои «кровные», она успокоилась, а попив чайку, подобрела, разоткровенничалась и рассказала бабке Нине, что своих детей и внуков не нажила и теперь как «треклятая» по работе вынуждена мотаться по адресам и приглядывать за чужими внуками. В конце беседы тётка даже помогла бабке Нине написать объяснительную, чтоб «наши не доставали». Потрепав Мишку по загривку, она удалилась, громко стуча каблуками.

Мишка, немой свидетель происходящего, решил, что тётка в общем даже неплохая, а кричала на бабку Нину потому, что та не приготовила вовремя ту нужную тетрадку.

Бабка Нина с дедом Иваном и Варькой стали собираться на дачу и Мишку обещали взять с собой. Получив приглашение на дачу, Мишка засомневался, забеспокоился: ведь он никак не мог определить, как его пригласили (шибко-шибко или так себе) и «ведь ехать на автобусе – это дорого», – размышлял он.

В коротенькой Мишкиной жизни случались истории, к которым память его возвращала всегда неожиданно и не всегда к месту, не зря они зовутся жизненным опытом. Вот и сейчас Мишка вспомнил, как прежде отпросился у бабки поиграть в соседнем дворе и сам не заметил, как оказался в гостях у Руслана, знакомого дворового мальчишки. Дверь им открыла бабушка Руслана – Мария Васильевна – и сразу же приказала: «Лапы мыть и за стол!»

К сожалению, давно прошли те времена, когда окружающие благоговели перед учителями, но Марию Васильевну, переучившую многих ребят двора, помнили и уважительно звали Васильевной ещё и потому, что она отдала свою квартиру преуспевающей дочери с мужем и переехала в однокомнатную, на краю города, откуда она и ездила каждый день «водиться» с внуками. Сама же Мария Васильевна, зная наследие Макаренко, Сухомлинского и прочих именитых педагогов, считала, что порой результативным является вовремя данный подзатыльник. Обедали втроем: Мишка, Руслан и его младший брат Марк, не очень владеющий ложкой. Васильевна успевала следить за Марком и подкладывать еду мальчишкам. Раззадоривала их, совсем немного строжилась, и как только всё было быстро съедено и тарелки составлены аккуратной стопочкой, отпустила детей играть. В игровой горы игрушек, собака, кошка с котятами, черепаха, музыкальные книжки и прочая всячина, являющаяся мальчишечьим счастьем, не так удивили Мишку, как то, что Руслан, уже сидевший за компьютером, кричал кому-то невидимому: «Кидай, кидай! Мяч кидай, да не кольцо, а я поймаю». Проезжающий верхом на машине Марк объяснил: «Руська по «скайффу» разговаривает». «Сегодня книжку или историю?» – спросила вошедшая в игровую Васильевна. Решили: «Историю», – и чинно расселись на матрац, покрытый меховым покрывалом. «Однажды, – начала Васильевна, – мы поехали на дачу...»

Чудесная рассказчица – шутка ли, сорок лет в школе, – рассказывая эту историю не единожды, она всякий раз наблюдала, как присмиревшие мальчишки покатывались в нужном месте со смеху, даже младшенький Марк, подражая старшим, валился на матрац, дрыгал ногами и, захлёбываясь, просил: «Ещё, ещё, баба, расскажи!»

Это была известная история, как Руслан был у неё в гостях на даче и старательно красил водой нижний венец беседки. Взрослые (Васильевна и её подруга) спешили покрасить верхний венец в синий цвет, не выпуская помощника из виду, подхваливали его. Закончив работу, прибрали инструменты. Руслан копался в просматриваемой со всех сторон песочнице, когда взрослые хлопотали в бане. Всего через минуту Васильевна обнаружила Руслана, старательно красившего в синий цвет бетонную дорожку, так как нижний венец на беседке был уже готов и растерянно блестел буро-синими разводами. Досталось и выходному турецкому костюмчику, и башмакам. Васильевна охнула и кинулась спасать внука: вымазала его подсолнечным маслом с головы до ног и отмыла в бане.

Как истинная учительница Васильевна закончила историю назиданиями и выводами. История имела продолжение, но его знали только взрослые: недовольный процедурой отмытия, зарёванный Руслан в бабушкиной блузке сумел-таки набрать нужную комбинацию цифр на бабушкином сотовом и позвонил матери. Явилась рассерженная мать, к недовольствию мужа прервавшая отдых, выговорила Васильевне и забрала сына. Руслан целое лето проходил потом в детский сад с синими руками и лицом.

Увлечённый Мишка смеялся до слёз и совершенно забыл, к какому часу обещал вернуться домой, а опомнился только тогда, когда на пороге увидел свою рассерженную бабку. Мишка быстро собирался и слышал, как бабушки разговаривали: Васильевна хвалила его за поведение и утверждала, что только она одна виновата в том, что его задержала. На улице

Мишкина бабка сначала молчала, о чём-то думала и как будто не замечала рядом семенившего провинившегося внука, и вдруг спросила: «Ты чего это в гости навадился?» – «Я не сам ходил, меня Руська позвал в компьютер поиграть, – ответил Мишка и добавил, заглядывая бабке в лицо: – У них собака и кошка есть». В ответ бабка вздохнула, помолчала и стала вновь вразумлять внука: «Ну как ты не поймёшь?! Ходить в гости можно, только если шибко-шибко позовут, а не так себе. Да ещё и с пустыми руками! – прям стыдно за тебя!» – «Нет, – оправдывался в ответ Мишка. – Я угощал жевательной резинкой!.. У них в зелёной комнате, баб, телевизор большой-большой, а в синей – зеркало. Мне Руська показывал», – делился впечатлениями Мишка, понимая, что «гроза» миновала. Бабка слушала, кивала и вдруг огорошила: «А потолки у них правда зеркальные?» – «Не знаю, я не видел», – ответил Мишка, уже переключившийся на остановившуюся маршрутку. «Баб! Поехали!» – заканючил он. – «Вот моду взяли! Да здесь три шага всего! – возмутилась бабка в ответ и продолжила, разясняя внуку житейскую арифметику: – Смотри, ты «жевалки» любишь, пакетик стоит пятнадцать, а билет на маршрутку – четырнадцать. Вот пешком пойдём, рубль добавим и купим».

«Жевалки» действительно купили, внук угостил бабку, и жизнь была прекрасна под нежарким вечерним солнышком.

Вот и сейчас, вспомнив про «жевалки» и бабку, Мишка окончательно расстроился и заскучал, но расспросить обо всём бабку Нину всё же не решался.

Бабка Нина поняла всё сама, позвала Мишку к телефону и предложила позвонить его бабке. После разговора всё определилось: Мишка понял, что поехать на дачу можно, и старался помогать, но под ногами не путался, как велела в разговоре его бабка.

Часть 3

Раньше на даче Мишке быть не доводилось, потому рассказы рыжей Варьки слушал, как волшебную сказку. О, дача! Воля вольная: всего много – неба, травы, речки, – и всё можно – бегать, кричать, играть.

Как только приехали, всё распаковали, разложили, и Варька с Мишкой были отпущены играть до обеда. Варька успешно справилась с ролью экскурсовода: все заветные уголки и закоулки ведомы стали и Мишке. Они бегали по тропинке, между грядок и на лужайке, кричали и смеялись беспрестанно, а потом их позвали обедать. За обедом дед Иван, обычно немногословный, заметил: «Там, в гараже, велосипед и самокат, возьмите». После обеда беготня и игры продолжились, потом Варька затеяла катание: велосипед и самокат были извлечены на свет. Варька, лёгкая и быстрая, сразу оседлала велосипед, а Мишке достался самокат. Так они катались по улице вдоль дачи до поворота на лугу и обратно, вернее, каталась только Варька, а Мишка догонял её на самокате или просто бегал за велосипедом. На улицу выглянул дед и поманил Варьку. Варька подъехала к деду лихо, с разворотом, а позже подбежал запыхавшийся Мишка. «Пойдёмте ужинать, спать сегодня пораньше, утром на рыбалку», – сказал дед Иван и помог затащить велосипед. «Деда, деда! – крутилась вокруг него Варька. – Вотетта» звёздочка проскальзывает». «После ужина посмотрю, – ответил дед, устанавливая велосипед на боковую опору, и продолжил: – Ты что же это парня обижаешь, велосипед ему не даёшь?» «Да он же кататься не умеет!» – прыснула Варька и убежала к рукомойнику. Дед осёкся, помолчал, «пожевал» губами и вдруг подмигнул смутившемуся Мишке и заговорщицки сказал: «Если хочешь – научу!» Мишка согласно закивал, и они тоже направились к рукомойнику.

Так неожиданно жизнь – большая учительница – сама ответила Мишке на мучивший его с некоторых пор вопрос: «Для чего в жизни деда?» Выросший без отца и деда, при бабке, которая умела всё: и варить, и шить, и гвоздь забить, и нож наточить, – он недоумевал, попав

в Варькину семью: вот бабки – дело понятное: постирать, сварить, деньги заработать, – а вот деды? И по всему выходило, что без дедов можно обойтись! Мишка чувствовал, что ответ где-то рядом, что другие мальчишки уже знают этот ответ, и поэтому ни за что на свете никогда бы не сознался, что ищет этот ответ. В миг, когда дед Иван ему подмигнул, Мишка сердцем всё понял и удивился, и обрадовался – ведь деды в этой жизни для того, чтобы жизнь стала правильной, спокойной, честной и справедливой. Дед починил звёздочку и за неделю, бегая рядом, научил Мишку кататься на велосипеде. Теперь Мишка недоумевал: как же это он раньше жил без деда, такого большого и надёжного.

После ужина уложили спать – вольный день принёс быстрый сон – Мишка как рухнул в кровать, так и мгновенно уснул. Первые лучи солнца разбудили Мишку. Поживаясь от свежести, он спустился по лестнице в огород. Бабакина быстрёхонько его накормила, потеплей одела и препроводила под берег речки, где уже расположились дед Иван и ещё один незнакомый дед. Рядом дымился небольшой, в два полена, костерок. Дед Иван поднялся навстречу Мишке, познакомил его с незнакомым ему дедом Парфёнычем и протянул удочки (Мишкины подлиннее, Варькины – покороче), рассказал и показал, как насадить на крючок червяка. Сто потов сошло с Мишки, прежде чем он научился и червяка насаживать, и удочку закидывать. А пока он этому учился, деды его поддерживали и вроде бы даже не замечали его промахов, а дед Парфёныч даже успокаивал: «Получится, обязательно получится! Ты, главное, «милдруг», не спеши!»

Легендарная личность был этот Парфёныч. Это только уже потом Мишка узнал, что дед Парфёныч и дед Иван раньше строили дороги: дед Иван – бульдозеристом, дед Парфёныч – начальствовал и, как говорил дед Иван, был «голова» – много знал, многое умел. Невысокого роста, тщедушный, он обладал недюжинной внутренней силой. Обращался ко всем бабкам не иначе как «ягодка», а ко всем остальным – «милдруг», умел и договориться, и убедить, а при случае и попросить. Внуков своих любил, давно уже их вырастил и теперь по праздникам получал аккуратно звонки от них со всех концов страны, причём, деда приветствуя, внуки обращались к нему почтительно: «Парфёныч».

Мишку же потрясли другие умения Парфёныча: он умел ездить на машине, умел отремонтировать её и... виртуозно играл на баяне. Никогда игре не учился: «слухач» – он мог за считанные секунды подобрать незнакомую мелодию, правда, с годами брал инструмент всё реже и реже, так что Мишка этот нечаянный концерт, глубоко его взволновавший, слышал только один раз.

Всё это было потом, сейчас же Мишка был близок к отчаянию, и его уже не радовали ни поднимающееся солнышко, ни снующая в мелководье рыба мелкота. Сколько он ни наблюдал за удочками, сколько ни следил за червяками – рыба не клевала, меж тем как дед Иван только и успевал поднимать удочки с рогулек и снимать рыбок в наполненный водой прозрачный пакет, который был привязан к рогулке на берегу.

«Ну-у что, «милдруг», у тебя тоже не клюёт? – обратился к Мишке Парфёныч. – А давай мы её прикормим!» Дед Иван вступил в разговор тоже: «Вы мою прикормку возьмите, я по ночи вчера много приготовил – знатная – вон, в тенёчке, под кустом лежит», – «Возьмём, обязательно возьмём, «милдруг», а то свою-то прикормку я уже рыбкам скормил», – отвечал Парфёныч.

Деда переглянулись. Парфёныч и Мишка направились к кусту и обнаружили увесистый узел, развернули мокрую тряпку. «Ух ты! Вот это прикормка так прикормка! – хвалил Парфёныч, набирая влажные глиняные колобки. – Ты, «милдруг», только понюхай, запах какой – тут тебе и маслице постное, тут тебе и каша пшённая, и жареная мука, – рыба очень такую вкуснятину любит и запах чует издалека», – восторгался Парфёныч. Мишка открыл дверцу в железной корзине (Мишка забыл, как она называется). Парфёныч опустил прикормку в корзину, вокруг неё по воде стали расходиться рыжие пятна. «Теперь пойдём гля-

нем удочки», – сказал Парфёныч, вопросительно посмотрел на деда Ивана и направился к своим, а Мишка обречённо побрёл к своим удочкам, установленным на рогульках и придавленным для прочности камнями.

Он не сразу и поверил глазам: на крючке удочки, которая была ближе к деду Ивану, болталась рыбка, правда, плавала она как-то странно: не то боком, не то пузом кверху, но это было неважно, главное, она была! Со времён открытия этого края и заселения берега речки рыбаками здешние места многое повидали, но такого крика ещё не слышали: «Рыбка-а, рыба-а, я-я-я поймал!» – вопил Мишка и трясущимися руками опустил её в заветный пакет. «Ну, Михаил, ты теперь настоящий рыбак!» – восхитился дед Иван и крепко, по-мужски, пожал ему руку. Неизвестно, что стало потом причиной: то ли прикормка, то ли везение – только Мишка стал ловить рыбку одну за другой, да и деды тоже наполняли свои пакеты. Деловито Мишка насаживал червяков, снимал рыбок и так увлёкся, что и думать забыл, что только что хотел есть и пить.

На тропинке показалась баба Нина и позвала обедать. За обедом Мишка всё разом «смёл» и рассказывал снова и снова, как увидел первую рыбку. Продолжил рассказы и на прогулке: всем подходившим мальчишкам и девчонкам рассказывал, повторяя, какая бывает прикормка, объяснял терпеливо, зачем её нужно прятать в мокрую тряпку. К вечеру всё детское население дачного поселка было проинформировано об успехах Мишкиной рыбалки, а некоторые даже сорвали по прочному пруту и принялись изготавливать удочки.

Засыпая, Мишка опять увидел бегущую воду, спящих рыбок, и на душе было светло и радостно. Он представлял, как обо всём будет рассказывать своей бабке, вспоминал, как дед Иван назвал его настоящим рыбаком.

Если кто-нибудь когда-нибудь спросил бы Мишку, как он себе представляет бабку и деда, он бы для ответа не нашёл нужных слов, но сердцем чувствовал: бабка – как сладкая горячая булочка, что доставалась ему по воскресеньям, а дед – как толстый, надёжный корявый сук высокого дерева на дворе, на котором он так любил сидеть.

Уснул Мишка счастливым.

Выздоровела и вернулась из больницы Мишкина бабка и забрала его домой. Нет, не зря дед Иван назвал Мишку настоящим рыбаком: он действительно так пристрастился к рыбалке и так горячо умолял и упрашивал свою бабку, что она не устояла и иногда всё-таки разрешала ему ездить с дедом Иваном и Парфёнычем. Отправляя с ними Мишку на рыбалку, бабка смущённо просила дедов: Мишку не баловать, а обходиться построже. Мишке же наказывала дедов слушаться, во всём, что попросят, помогать. Ездили на ближнюю рыбалку – на привычное место, где Мишка чудесным образом поймал свою первую рыбку, и на дальнюю, к озеру, ездили на машине Парфёныча. К машине у Мишки было особое отношение, ему она казалась живой, и он с трепетом, украдкой, гладил гладкие её бока, а Парфёныч, который управлял ею, вообще казался Мишке чуть ли не божеством.

Дальнюю рыбалку на небольшом озере, с берегами, поросшими густой ивой, Мишка любил больше: ему за каждым кустом чудились таинственные приключения.

Понемногу он овладел рыбацкими премудростями – умел уже место выбрать, правильно удочки на рогульки поставить и малый пенёк вместо стула приспособить. Мишка любил свои умения продемонстрировать Варьке, которую часто брали с собой. А главное, он учился терпеливо ждать и уже знал, что бывают неудачные рыбалки, и уже умел не отчаиваться, если клёва не было.

Красота утренней и вечерней зорьки, а именно в такое время они рыбачили, не ускользала от его глаз. Мишка любил поделиться впечатлениями чаще с Парфёнычем, уже привыкнув к его обращениям, тогда как дед Иван ограничивался только поддакиваниями. Дома, бабке, Мишка не уставал обстоятельно «на сто раз» рассказывать про рыбалку.

Вечерело. Лёгкий ветерок разогнал надоедливых комаров и донёс привычный запах реки. Мишка и Парфёныч сидели рядом и, любуясь золотой рябью, почему-то молчали. «Ты, это, «милдруг», учись хорошо, старайся, – неожиданно вдруг сказал Парфёныч, – и бабку свою береги, а то, не дай Бог, она скovyрнётся (он так и сказал «сковырнётся») – некуда тебе идти, интернат – дело худое. Очень береги!» – изменившимся голосом подытожил Парфёныч. Мишка взглянул на Парфёныча и остолбенел – Парфёныч, такой умный и умелый, беззвучно плакал, губы дрожали, и слёзы текли по щекам, как бывало у Мишки и других ребятшек. Мишка недоумевал: все прошлые рассуждения о бабках и дедах в момент рухнули, и он не знал, что делать, и, как назло, так надолго запропастился ушедший за прикормкой дед Иван. Безмятежно плескалась река, и тягостное безмолвие повисло в воздухе. Из-за куста наконец вышел дед Иван и со словами: «Ну, ну! Все там будем», – похлопал Парфёныча по плечу. «Пойду я», – отозвался Парфёныч и, собрав пожитки, стал подниматься по крутой тропинке на берег. «Пожалуй, пойдём и мы, – позвал дед Иван Мишку, но, увидев его немигающий изумлённый взгляд, объяснил: – Понимаешь, недавно Парфёныч свою бабку потерял». «Где?» – оторопело ляпнул Мишка и сразу же понял, что сказал какую-то глупость. «Умерла она, вот человек и горюет», – объяснил дед Иван. Они собрали всё в рюкзак и стали подниматься по той же тропинке.

Конечно же, не знал Мишка, да и не мог знать, что всю жизнь он в мыслях будет возвращаться к этому случаю, и слёзы горечи от потери близкого человека будут хранить его от разных глупостей и соблазнов.

Сейчас же, шагая по тропинке за дедом Иваном, он дал себе твёрдое обещание, что бабку свою будет беречь, правда, он не знал, как это будет делать. «Ну, наверное, надо слушаться», – размышлял Мишка, еле поспевая за дедом.

Постскриптум:

На этом история Мишки не заканчивается. Она заслуживает внимания. Продолжение можно прочесть в журнале «Страна Озарение», №№ 58, 60, 61.

Пальма с розами

Наш двор – уютный, маленький, всего на два дома – был отгорожен яркими заборами – с одной стороны низким, от детского сада. А под прямым углом (отделяла их узенькая дорожка), почти примыкая – от школы. Да и сам двор, располагаясь на последней улице малюсенького города, являлся «оплотом» цивилизации – за домами пылила просёлочная дорога, а за ней, по весне благоухая черёмухой, сиренью, дикой яблоней, по кособокому теснились частные огороды с небольшими домами послевоенной постройки: архитектурные «находки» в виде колючей проволоки и транспортёрной ленты с просечками от шайб были привычны глазу. Разноголосое пение петухов, кудахтанье кур, мычание коров колоритно подчёркивали, что на частных подворьях занимаются не только огородничеством, но и разводят живность.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.